

АЛЕКСАНДР БОРОВСКИЙ

История искусства для собак

ПАЛЬМИРА

Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 7.01+75.042
ББК 85.147
Б83

Иллюстрации Ольги Тобрелутс

Боровский А.

Б83 История искусства для собак / Александр Боровский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 181 с., ил. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-09437-7

История искусства — предмет, нечасто привлекающий широкого читателя. Сложная терминология, обилие дат и отсылок могут отпугнуть даже самого любознательного и образованного неспециалиста. Преодолеть этот страх и возродить интерес к сложным, но безусловно увлекательным вещам нередко помогает смена ракурса. В своей книге Александр Боровский прибегает к именно такому ходу, избирая предельно оригинальную точку зрения для разговора об искусстве — предлагая взглянуть на его многовековую историю глазами собак. Традиция вести повествование от лица лучших друзей человека не нова, к этому приему обращались еще Михаил Булгаков и Саша Черный, но именно в современном искусствоведении она кажется особенно актуальной. Свободные от навязанных модой эстетических критериев и шаблонов, собаки дарят нам тот опыт подлинного, непредвзятого созерцания, который мы далеко не всегда способны пережить в музее или художественной галерее.

Книга оформлена известной художницей Ольгой Тобрелутс, чье имя известно каждому любителю современного искусства.

УДК 7.01+75.042
ББК 85.147

ISBN 978-5-517-09437-7

© Боровский А. Д., 2024
© Тобрелутс О., иллюстрации, 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

Глава первая, дворцовая

Не каждая собака знает, кто такой церемониймейстер. Такса Табакерк Двадцать Седьмая знала это с самого своего щенячьего детства. Церемониймейстер — это тот, кто отравляет тебе жизнь. Это он отрывает тебя от любимых занятий, заставляя часами просиживать у трона во время аудиенций. Это он отнимает лакомый кусок, заставляя есть размеренно и прилично, как подобает королевской собаке — символу династии. Это он запрещает выбегать во двор поиграть с другими собаками. Да что там во двор — он вообще запрещает бегать, требуя размеренной, царственной походки. (Шутка сказать — тридцать шажков в минуту! Хронометраж! Для сравнения: у солдат — сто двадцать в минуту!)

Церемониймейстер! Если бы такса Табакерк Двадцать Седьмая была жестокой, она мечтала бы, в духе запутанной и темной дворцовой истории, о лютой казни для церемо-

ниймейстера. Но, во-первых, Табакерк была доброй собакой. А во-вторых, мечтала она о другом.

Но лучше всё по порядку. Почему такое странное имя — Табакерк Двадцать Седьмая? Не очень-то приличное для леди. Во-первых, какое-то мужское: налицо явное несогласование числительного по роду. Во-вторых, связанное с табаком, а ведь собаки, как известно, не курят и не нюхают табак, в отличие от людей. В-третьих, что за странное число при собачьем имени? И наконец, при чем здесь церемониал? Собаки, конечно, не кошки, которые гуляют сами по себе, но тоже, при всей своей дрессированности и воспитанности, предпочитают быть самими собой, а не священными символами каких-то там династий!

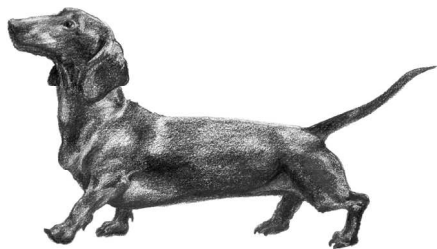
Чтобы ответить на все эти закономерные вопросы, надо обрисовать некоторые обстоятельства жизни, а главное — происхождение гладкошерстной таксы Табакерк Двадцать Седьмой, а также ее человеческое окружение.

Все началось с Табукерка Первого. Первым он стал не сразу, как, впрочем, и Табукерком. А был он сначала мальчонкой-кочевником, которого путешественник-англичанин лет этак сто пятьдесят назад выменял у бедуина на простую табакерку. Отсюда, как вы понимаете, и пошло прозвище Табакерк, очень скоро загремевшее по пустыне. Потому что с судьбой слуги-боя парень не смирился и каким-то особенно хитрым образом сбежал — чуть ли не с парохода, готового отплыть в Англию. Его ждала другая судьба. С годами смелый мальчишка стал грозой караванов, предводителем одного из многочисленных кочевых племен, затерявшихся в пустынях, скажем, Аравийского полуострова. Видимо, племя было особенно боевым, да и сам Табакерк не промах, потому что, выбив из города в оазисе другое племя, он объявил себя королем Табакерком Первым. Мало ли было самозванцев, охочих до чужих

караванов да городов, скажете вы. Но умных и прозорливых, поверьте, совсем немного. Табакерк не только провозгласил себя королем — он укрепился на троне и укрепил государство. Может быть, он просто был везучим, а может быть, помогли европейцы, обнаружившие на его территории полезные ископаемые (хотя, с другой стороны, сколько геолого-разведочных экспедиций, истребленных мнительными кочевниками, так и осталось в песках. Табакерк же не велел казнить пришельцев, а быстро разобрался в том, что копать полезно. В общем, помощь помощью, а прозорливости у него не отнять). Так или иначе, он стал настоящим, признанным королем, причем королем совсем не бедным. Добро наживалось с удивительной быстротой, подданные преуспевали, воинственные соседи смирились и вливались в число подданных, в оазисе вырос современный город, дети учились в оксфордах и итонах. Пора было подумать о приличиях. Старик Табакерк был человеком широкой души и не скупился на приемы и празднества. Но оказалось, что для приличного, на европейскую ногу поставленного королевского двора только радушия и гостеприимства мало. Честно говоря, искреннее радушие даже не обязательно. Может быть, даже противопоказано. Искренностью не проймешь чопорных послов, прямо держащих свои шеи в стоячих воротничках. Дипломатических дам, сплетничающих, прикрываясь веерами. Именитых гостей — путешественников в белых колониальных шляпах, то ли писателей, то ли шпионов. Не искренностью сильны дворы, а правилами поведения, приличиями, ритуалами. Церемониями, одним словом. Значит, там, где приличный королевский двор, там и церемониймейстер. Первый же из череды этих необходимых, но необыкновенно занудных людей самым непосредственным образом повлиял на судьбу Табакерк Двадцать Седьмой, хотя она

и родилась через много десятилетий после того, как он появился при дворе. К королю он пришел оборванным и гонимым, конечно же с подложными рекомендательными письмами. Однако старому Табакерку не нужны были рекомендации, он видел людей насквозь. Действительно, этот человек, скорей всего беглый крупье из казино, называвший себя домоправителем одного российского великокняжеского семейства, оказался полезен. Он первым решился обратить внимание короля на неудобоваримое звучание его имени. Действительно, намек на совсем не королевское происхождение был прозрачен. Табакерк правил уже не бесхитростными кочевниками, ничего не знавшими о природе вещей цивилизованного мира. В стране появилась оппозиция. Первая антиправительственная надпись на стене — «Старый черт из табакерки», по западным меркам вполне безобидная, — решила дело. По совету беглого крупье, принятого на службу с испытательным сроком, имя было изменено. Собственно, была заменена только одна буква: «а» превратилось в «у». «Табукерк Первый» звучало несравнимо лучше. И не только в звучании было дело. Крупье-церемониймейстер, в свое время помогавший спускать за рулеткой первые гонорары небезызвестному, а тогда совсем молодому доктору Фрейду, лично слышал, что слово «табу» означает нечто запретное. Это само по себе было полезным, так как не располагало к шу-

точкам по поводу династии. Вторая часть имени напоминала о чем-то древнем и грозном, вроде имени безжалостного персидского царя Ксеркса. Все вместе выглядело внушительно. Оппозиция, не успев возроптать по-настоящему, притихла. Церемониймейстер был утвержден в должности. Но Табукерк Первый, бывший Табакерк, был не таким человеком, чтобы забывать что-либо из своего прошлого. Вынужденный отказ от собственного «а» в угоду государственным интересам требовал компенсации. Первое, что бросилось в глаза расстроенному королю, было умнейшее длиннотелое существо, как раз в эти годы вошедшее в моду в Европе и за безумные деньги ввезенное в его страну. Существо называлось таксой. Такса, будучи не в курсе дворцовых настроений, бесстрашно бросилась старому королю на колени. Это и решило дело.

Мало того, что любимая такса была названа Табакерк (именно так, с сохранением исторического «а»), она была еще и увековечена — при жизни и в своем потомстве, причем независимо от пола, — как символ королевства. Там, где символ, там и церемониалы. Там и церемониймейстер. Круг замкнулся, как хвост и мордочка щенка, когда он, крутясь, гоняется сам за собой.

